

101 3 all
48

№ 4556.
101 3/48

101 3/48 all

Собраніе Словъ и рѣчей.

Часть 2.

18.

РѢЧЬ

предъ

ИЗБРАНІЕМЪ ИЗЪ ДВОРЯНСТВА

СУДЕЙ

для

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ,

произнесенная

въ Казанскомъ Соборѣ

Санктпетербургской Духовной Академіи

Инспекторомъ, Архимандритомъ

ИННОКЕНТІЕМЪ,

Генваря 13 дня, 1830 года.

САНТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома.

Съ дозволенія Духовной Цензуры.

Жатва многа, дѣлателей же мало.

Матѳ. IX. 37.

Вы не удивитесь, Почтт. Слушш., что Служитель Слова почитаетъ за долгъ въ настоящія минуты привести вамъ на память сію печальную истину, и полагаетъ оную въ начало своего собесѣдованія съ вами. Собравшись во Храмъ сей, дабы предъ алтаремъ Всемогущаго испросить благословеніе и помощь на дѣло, отъ коего зависитъ благоденствіе цѣлой страны, мы поступили бы вопреки цѣли настоящаго собранія: еслибы возмнили услышать здѣсь одно пріятное; и, вмѣсто назиданія ума, исправленія сердца, потребовали только занятій для воображенія, пищи для чувствъ. Не въ сіи торжественныя минуты, и не

съ сего священнаго мѣста слышаться словамъ ласканія и мірскаго витійства: здѣсь должна вѣщать любовь къ человѣчеству; теперь долженъ быть слышанъ голосъ одной истины.

Что же говоритъ любовь къ человѣчеству? „Жатва многа.“ Въ мірѣ человѣческомъ, среди обществъ гражданскихъ, на полѣ жизни общественной, между нами и собратіями нашими весьма много предметовъ для дѣятельности и усердія друзей человѣчества; — много добраго и полезнаго, которое еще не совершено и даже не начато, — злаго и вреднаго, которое еще не искоренено и даже не обуздано; много талантовъ и силъ, коимъ не дано еще надлежащаго направленія, и, можетъ быть, мѣста, — худыхъ навыковъ и страстей, кои не находятъ себѣ никакой преграды и даже мѣры; много предразсудковъ и заблужденій, почитающихся непоколебимыми и священными, — похвальныхъ учрежденій, не исполняемыхъ въ должной силѣ, — священныхъ правъ, не признаваемыхъ или попираемыхъ невѣжествомъ и своеволіемъ. Самые законы, своею многочисленностію и разнообразіемъ, не представляютъ ли

богатой жатвы для благоразумія и опытности законовѣдцевъ? Самое правосудіе не есть ли нива, требующая для воздѣланія своего рукъ чистыхъ и трудолюбивыхъ? Жатва убо многа; — такъ говоритъ любовь къ человѣчеству.

Что вѣщаетъ истина? „Дѣлателей мало.“ Немного тѣхъ неизмѣнныхъ друзей человѣчества, кои, бывъ призваны на общественное служеніе ближнимъ, подвизаются для блага другихъ такъ, какъ бы оно было ихъ собственное; не велико число тѣхъ благихъ дѣлателей, кои изъ любви къ правдѣ готовы жертвовать всѣми личными выгодами, не знаютъ побужденій выше святаго чувства долга, — наказаній страшнѣе безчестія, наносимаго порокомъ. Не взирая на гордость вѣка, хвалящагося просвѣщеніемъ и человѣколюбивыми правилами, явленіе истинныхъ доблестей душевныхъ, черты дѣйствительнаго великодушія и безкорыстія еще столь рѣдки, что имъ радуются, какъ нѣкоей драгоцѣнной находкѣ: радость правильная, но не без-печальная, дающая разумѣть, какъ мало людей, поступающихъ такъ, какъ бы всѣмъ и всегда поступать надлежало. —

Жатва убо многа, дѣлателей же мало.

Нужно ли изъяснять, Почтт. Слушт., почему теперь повторяется въ слухъ вашъ сія печальная истина? — Для чего обнажаются предъ вами нѣкоторые недостатки жизни общественной, кои сокрывать отъ нарѣканія во многихъ случаяхъ есть священный долгъ любви къ отечеству? Ваше сердце, безъ сомнѣнія, уже сказало вамъ, что сіе дѣлается потому и для того, что теперь въ вашихъ рукахъ возможность, если не совершенно перемѣнить печаль сію на радость, то растворить оную радостію. — Цѣлая страна ожидаетъ отъ васъ дѣлателей; отъ одного слова, одного знака согласія или несогласія вашего можетъ зависѣть, чтобы они были благіе и достойные: какой благопріятный случай доказать на опытѣ благородство души вашей, ваше усердіе къ отечеству! Какая драгоцѣнная возможность, безъ всякаго труда, безъ малѣйшаго пожертвованія, оказать важную услугу человѣчеству!

И каждый изъ васъ, Почтт. Слушт., безъ сомнѣнія, намѣренъ поступить въ семъ случаѣ такъ, какъ повелѣваетъ разсудокъ и

совѣсть. Отличнѣйшіе изъ сыновъ отечества не принесутъ въ жертву своимъ выгодамъ благоденствія соотечественниковъ; мужи совѣта и силы явятъ самымъ дѣломъ, что они превыше обыкновенныхъ слабостей и недостатковъ; главные исполнители воли Монаршей оправдаютъ великое довѣріе, имъ сдѣланное, не употребятъ во зло правъ, имъ данныхъ; вѣрные чада Церкви Христовой докажутъ чистотою поступковъ своихъ, что въ открытомъ для всѣхъ училищѣ Іисуса Христа лучше научаются любить правду и человѣчество, нежели въ малодоступныхъ лабиринтахъ земной мудрости.

Но, Почтт. Слушш., не забудемъ при семъ, что самыя благія намѣренія, самыя чистыя и усердныя желанія по слабости природы нашей, часто остаются безъ исполненія. (Ахъ, какъ бы родъ человѣческій былъ счастливъ, еслибы исполнилось на дѣлѣ все, что когда либо замышляемо было къ его совершенству!) Тоже самое можетъ послѣдовать и съ настоящимъ вашимъ желаніемъ избрать достойныхъ слугъ отечеству, — оно можетъ не принести всѣхъ плодовъ: — если не будетъ приложено надлежащаго попеченія о томъ, что-

бы непремѣнно исполнить преднамѣреваемое.

Чувствую, что вы готовы предупредить меня вопросомъ: „Въ чемъ должно состоять сіе попеченіе? — Отъ чего ближайшимъ образомъ зависитъ исполненіе вашихъ благонамѣреній въ настоящемъ дѣлѣ?“ Совершенно увѣренъ, что вы желаете знать сіе именно для того, чтобъ исполнить въ точности познанное. Но, это такіе вопросы, на кои всего лучше можетъ и должна отвѣчать вамъ собственная ваша опытность и усердіе къ пользамъ отечества. Служитель Слова можетъ при семъ случаѣ, для руководства, указать только на главныя средства, ведущія къ вашей цѣли; и не болѣе какъ указать: подробное разумѣніе сихъ средствъ, способъ ихъ употребленія опять, по необходимости, предоставляется вашему благоразумію.

И вопервыхъ, Почтт. Слушш., если когда, то наипаче въ настоящіе дни прилично и нужно вамъ воскресить въ памяти своей все, что мудрыми Самодержцами нашими, и особенно Великою Законодательницею, сказано мудраго о должностяхъ гражданскихъ; — должно представить въ умѣ своемъ со всею ясностію ихъ произхожденіе,

цѣль, свойства и духъ, вліяніе на благо гражданъ, самыя злоупотребленія, коимъ онѣ подлежать могутъ; — и такимъ образомъ повторить, такъ сказать, весь великій и священный урокъ Законоположенія и Чиноначалія Гражданскаго, памятуя, что въ немъ заключается источникъ благоденствія цѣлаго отечества, родовъ настоящихъ и будущихъ. Нѣтъ нужды, что сей предметъ давно извѣстенъ каждому изъ васъ: о законахъ человѣческихъ, когда они начертаны мудростію и человѣколюбіемъ, можно сказать тоже, что сказано Царемъ Израильскимъ о законѣ Божіемъ: *Широка заповѣдь вѣло* (*), широка по самой буквѣ, еще пространнѣе по духу: посему обращаться къ нимъ, какъ можно чаще, размышлять о нихъ, углубляться въ духъ ихъ, дабы самому исполниться ихъ духомъ, — полезно для самыхъ опытныхъ законовѣдцевъ. Умъ истиннаго патріота всегда найдетъ въ нихъ новую, пріятную пищу для своего размышленія; сердце истиннаго сына отечества, при занятіи ими, никогда не оскудѣетъ новыми чувствами благодарности къ мудрымъ Зако-

(*) Псал. CXVIII. 96.

нодателямъ, — уваженія къ законамъ и учрежденіямъ отечественнымъ — любви къ своимъ согражданамъ. Напротивъ невниманіе къ сему предмету неминуемо и скоро пораждаетъ предразсудки, весьма много препятствующіе успѣшному избранію въ должности. Такъ, мысль о неважности нижшихъ должностей, и что онѣ ниже достоинства многихъ лицъ, — сія ложная и вредная мысль откуда родилась, какъ не отъ невниманія къ духу Законодательства отечественнаго? — Чемъ питается и поддерживается, какъ не явнымъ незнаніемъ сего важнаго дѣла? — Ибо, не говоря уже о томъ, что между всѣми должностями существуетъ крѣпкій и тѣсный союзъ, въ слѣдствіе коего самыя вышшія должности не могутъ быть хорошо исполняемы, когда худо исполняются нижшія: — гдѣ начинается великая цѣпь Судопроизводства? Именно тамъ, гдѣ начинается лѣствица должностей — внизу. Значитъ, первыя звена оной цѣпи, всегда болѣе или менѣе тяжкія для подсудимыхъ, связываются и возлагаются на согражданъ людьми, стоящими на самыхъ нижшихъ степеняхъ Чиноначалія Гражданскаго. Какъ связываются? — Извѣстно, что начало Судопроизводства,

по самому существу своему, во многомъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія, благоразумія и благонамѣренности Судіи. Значитъ, неважными почитаются именно тѣ должности, кои, если позволено употребить еще сравненіе, составляютъ первыя пружины въ великой машинѣ Судопроизводства, отъ движенія коихъ (не столько притомъ механическаго, сколько произвольнаго) начинается движеніе цѣлой машины, отъ правильнаго — правильное, отъ худаго — худое. Какъ послѣ сего назвать таковое мнѣніе, какъ не предразсудкомъ? И можно ли предразсудку быть неосновательнѣе и опаснѣе? —

Вмѣстѣ съ симъ предразсудкомъ падаетъ и та ложная мысль, что нѣкоторыя должности ниже достоинства лицъ. Не любовь къ человѣчеству, не усердіе къ отечеству родители сей мысли, а гордость житейская. Конечно, безразсудно было бы унижать какимъ бы то ни было образомъ истинныя заслуги и достоинства; долгъ признательности повелѣваетъ, не обязывать къ новымъ усиліямъ, не требовать новыхъ опытовъ самоотверженія, не налагать новыхъ тяжестей на тѣхъ, кои безъ требованій, сами по себѣ уже сдѣлали бо-

лѣе многихъ, и чрезъ то возвысились надъ многими: но, еслибы по какимъ либо важнымъ причинамъ, палъ жребій скромнаго служенія и на вышшее лице; то, по самой высокости своей, оно пріиметъ его, ничтоже сумняся. Не низко, быть выше должности; низко, по своимъ дѣйствіямъ, быть ниже ея: гораздо важнѣе, должность украшать своимъ лицемъ, нежели самому украшаться должностію. Что сдѣлало безсмертнымъ Петра Великаго? Не то ли наипаче, что онъ любилъ такъ часто оставлять свое величіе, дабы сокрывать оное въ прохожденіи самыхъ нижшихъ степеней общественнаго служенія? — И для вельможъ Россійскихъ не новое и необыкновенное дѣло низходить, по примѣру своихъ Монарховъ, съ высоты состоянія своего на скромное служеніе человѣчеству.

Но, препирая предразсудки, я едва не забылъ, что говорю предъ собраніемъ, въ коемъ, по всей вѣроятности, нѣтъ и тѣни сихъ заблужденій ума слабаго и дѣтскаго; — что нахожусь во Храмѣ, который, въ ужасную годину искушеній для отечества, былъ свидѣтелемъ, съ какою готовностію для блага отечества забывалась разность званій, заслугъ и отличій; — что бесѣдую съ мужами,

изъ коихъ многіе, безъ сомнѣнія, самымъ опытомъ доказали, что они твердо помнятъ слова своего Спасителя: *Иже хощетъ быти первый, да будетъ всѣмъ слуга.*

Не продолжимъ, Почтт. Слушш., нашето размышленія о важности должностей гражданскихъ; обратимся къ тому, что должно быть предметомъ вашего вниманія въ лицахъ, имѣющихъ удостоиться избранія.

Блюститель законовъ правосудія, стражъ тишины и порядка, споспѣшникъ благоденствія общественнаго, представляется мнѣ лицемъ столь важнымъ, что я недоумѣваю, какъ въ краткихъ словахъ изобразить предъ вами всѣ качества, нужныя ему для успѣха въ своемъ служеніи. Мнѣ кажется, что нѣтъ ни одного душевнаго совершенства, которое надлежало бы въ немъ почесть излишнимъ: ни одного недостатка, который бы могъ быть въ немъ, не обезображивая его. Обращаю ли вниманіе на умъ Судіи? Не могу иначе представить его, какъ украшеннымъ полезными знаніями, особенно знаніемъ правъ Божескихъ и человѣческихъ, обычаевъ, совершенствъ и недостатковъ своей страны: — одареннымъ тою прозорливостію, предъ коею не смѣетъ

явиться лукавство, — тою разсудительностію, которая никогда не смѣшиваетъ слабости съ преступленіемъ, недальновидности съ злымъ намѣреніемъ, безъ труда узнаетъ, что̀ принадлежитъ къ существу дѣла и что̀ въ немъ случайно; — тою неутомимостію, для коей нѣтъ другаго предѣла дѣятельности, кромѣ совершеннаго открытія истины. Взираю ли на сердце Судіи? — Тотчасъ нахожу, что въ немъ самое лучшее жилище для всего добраго и возвышеннаго: ему надобно быть чувствительнымъ для различенія голоса правды отъ обаяній ласкательства, — благороднымъ, дабы презирать корысть и возноситься надъ страстями, — нѣжнымъ, чтобы сострадать бѣдствующему человѣчеству, — мужественнымъ, чтобы противустоять нечестію и соблазнамъ вѣка, не трепетать предъ лицемъ Сильныхъ. Воображаю ли себѣ характеръ Судіи? — По необходимости воображаю его важнымъ безъ надменія и презорства, прямымъ безъ строптивости, твердымъ безъ упорства и своенравія, кроткимъ и снисходительнымъ безъ слабости. Поставляю ли себя мысленно свидѣтелемъ всего поведенія Судіи? — Онъ постоянно является предо

мною человѣкомъ возвышеннымъ, который среди всѣхъ попеченій о земномъ благоденствіи своихъ согражданъ, никогда не забываетъ, что есть блаженство небесное, вѣчное, къ коему мы всѣ предназначены; старается о соблюденіи правды человѣческой особенно потому, что она есть подобіе, хотя слабое, правды Божественной; взираетъ на служеніе ближнимъ, какъ на нѣкое священнодѣйствіе и служеніе самому Богу; словомъ: человѣкомъ благочестивымъ.

Знаю, Почтт. Слушш. что это идеалъ, рѣдко осуществляемый на опытѣ, и, можетъ быть, никогда во всей полнотѣ. Но я и представилъ его не со всею полнотою, и отнюдь не для того; чтобы вы примѣняли къ нему со всею строгостію каждое лице, вами избираемое. Это значило бы, и для меня и для васъ, забыть ограниченность природы нашей, которая такова, что самые возвышенные умы, самыя чистыя сердца не изъяты отъ слабостей и недостатковъ. Довольно, если образецъ истиннаго Судіи будетъ въ умѣ вашемъ; если вы, по возможности, будете сообразоваться съ нимъ при избраніи, — тѣмъ паче избѣгать того, что ему противорѣчитъ. Вы сами, безъ сомнѣнія, замѣтили,

что въ семъ образцѣ есть три черты, совершенно необходимыя въ каждомъ Судіи: это здравый умъ, честность души и усердіе къ Вѣрѣ. Судія безъ благоразумія и нужныхъ свѣдѣній есть тоже, что кормчій безъ хорошаго зрѣнія; онъ не видитъ надлежащимъ образомъ ни добрыхъ, ни худыхъ своихъ поступковъ, вреденъ не менѣе наемника и корыстолюбиваго: ибо для страдающихъ не много разности, отъ обманщика ли они страдаютъ, или отъ того, который самъ бываетъ обманутъ. Судія безъ честныхъ правилъ и благородства души, самъ есть первый предатель и врагъ законовъ, ввѣренныхъ его храненію. Вѣсы правосудія въ нечистыхъ рукахъ его будутъ колебаться и превращаться не только отъ бурнаго дыханія угрозъ и опасностей, но и при слабомъ вѣяніи лести, при легкомъ звукѣ прибытка. Приступая къ суду надъ знаемыми и сильными, онъ изъ судіи превратится въ ходатая; дабы закономъ прикрывать беззаконіе виновныхъ: напротивъ, когда у правосудія будутъ искать помощи оскорбившіе его; онъ вмѣсто судіи, сдѣлается гонителемъ, начнетъ тѣснить прежде суда, все приведетъ въ сомнѣніе и направитъ къ обвиненію.

Наконецъ, Судія безъ страха Божія, хотя бы обладалъ всѣми прочими качествами, — что однако не возможно, — всегда будетъ слабъ и низокъ: ибо въ немъ недостаетъ того, что одно дѣлаетъ человѣка твердымъ и возноситъ надъ всѣми искушеніями. Безъ страха Божія самый страхъ Царевъ есть только бремя, которое постоянно стараются свергать; какъ скоро могутъ сдѣлать сіе, не опасаясь наказанія. Однимъ словомъ, Почтт. Слушш., кто отважился бы избрать на общественное служеніе человѣка не отличающагося здравымъ умомъ, честностію души и усердіемъ къ Вѣрѣ; тотъ симъ самымъ обнаружилъ бы жалкое состояніе своего ума и сердца. Предполагать таковыхъ избирателей или избираемыхъ между вами, значило бы уже не довѣрять благородству вашихъ мыслей и чувствованій: что не возможно.

Кромѣ сего, Почтт. Слушш., никогда не должно забывать, что самые свѣдущіе и добрые люди не равно бываютъ способны ко всякому роду дѣлъ. Одинъ одаренъ способностію открывать истину, преслѣдовать лукавство, разбирать пререканія и навѣты; другой — блюсти благочиніе, хранить безопасность и тишину, приво-

дить въ исполненіе повелѣнія вышшаго Начальства; тотъ съ особеннымъ успѣхомъ можетъ подавать совѣты, наблюдать за дѣйствованіемъ другихъ, служить посредникомъ между закономъ, подсудимыми и судіею; — сей представлять въ лицѣ своемъ цѣлое сословіе, быть вождемъ и распорядителемъ. Весьма неблагоразумно было бы не сообразоваться въ дѣлѣ избранія, вамъ предлежащаго, съ сими указаніями самой природы, или паче Творца ея, который для того и распредѣляетъ между людьми различныя дарованія; дабы они, чувствуя нужду одинъ въ другомъ, тѣмъ тѣснѣе соединялись всѣ во едино. То же должно сказать и о различіи нравственныхъ качествъ. Къ счастію человѣчества, нѣкоторые на то какъ бы раждаются, чтобы служить прибѣжищемъ для несчастныхъ: да предоставится ихъ попеченію жребій сирыхъ и безпомощныхъ! Нѣкоторые однимъ обращеніемъ своимъ, даже видомъ располагаютъ уже къ довѣренности, къ открытію предъ ними своего сердца: да возсядутъ таковые въ судилищѣ совѣсти! Всякой избранный сдѣлаетъ много и съ успѣхомъ, коль скоро займетъ свое мѣсто: напротивъ вредно для общества,

тяжело для самого избраннаго; когда способности и характеръ его будутъ разногласить съ должностію, имъ занимаемою, хотя бы онъ впрочемъ былъ человѣкъ свѣдущій и добрый.

При сихъ замѣчаніяхъ, самъ собою, Почтт. Слушш., приходитъ на мысль еще одинъ признакъ, который Ап. Павелъ далъ нѣкогда въ руководство св. Тимоѳею, при избраніи Пастырей Церкви, и который, безъ сомнѣнія, не съ меньшею пользою можетъ быть употребляемъ и при избраніи блюстителей земнаго благоденствія человѣческаго. Признакъ сей есть благое управленіе своимъ собственнымъ; — по отношенію къ вашему состоянію — благое управленіе тѣми, кои жребіемъ рожденія поставлены въ зависимости отъ васъ, и коихъ права заключены большею частію не въ хартіяхъ, а въ вашемъ сердцѣ. . . . Слава добраго властелина, кроткаго и благоразумнаго домоправителя есть лучшее одобреніе для избираемаго; напротивъ, недостатокъ сего добраго свидѣтельства есть рѣшительный признакъ недостоинства: ибо, говоря словами Апостола, можетъ ли тотъ пещись о благѣ цѣлаго об-

щества, кто не умѣетъ управлять своимъ домомъ (*)?

Наконецъ, Почтт. Слушш., чтобы дѣло, вамъ предстоящее, совершено было съ наилучшимъ успѣхомъ, вамъ должно быть внимательными къ самимъ себѣ: такъ ли каждый дѣйствуетъ, какъ должно; не увлекается ли чемъ либо, не водится ли, вмѣсто истины, предубѣжденіемъ. Совѣтъ сей преподается отнюдь не изъ опасенія какого либо незаконнаго искательства, или грубаго лицепріятія. Симъ порокамъ трудно и явиться нынѣ среди того сословія, для коего истинная честь составляетъ душу, тѣмъ труднѣе найти себѣ одобреніе и помощь. Но, къ сожалѣнію, пороки нетерпимые въ грубомъ, могутъ принимать утонченный видъ; и тогда ослѣпляютъ и колеблютъ даже тѣхъ, кои не хотѣли бы никогда уклониться ни на десное, ни на шуее. Кто знакомъ съ сердцемъ человѣческимъ, тотъ знаетъ, какъ оно способно преображаться во всѣ виды, по тайному требованію страстей. Думаешь, что дѣйствуешь по закону, готовъ клятвою утверждать чистоту своихъ

(*) 1 Тим. III. 5.

намѣреній; но углубись въ основаніе своихъ поступковъ, забудь свои отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, оставь то или другое предубѣжденіе: — и увидишь, съ изумленіемъ увидишь, что поступаешь нечисто, по тайной страсти. Вообще человѣкъ никогда не бываетъ хитрѣе, какъ въ обольщеніи своей совѣсти; посему и Христіанскіе Учители и даже мудрецы языческіе ничего столько не одобряютъ и не требуютъ отъ людей, какъ вниманія къ самимъ себѣ. Помня сіе, и вы, Почтт. Слушш., не позволите увлекать себя каждой благовидной мысли, будете недовѣрчивы къ самымъ похвальнымъ желаніямъ своимъ; не прежде изъявите свое мнѣніе, какъ совершенно увѣрившись, что ни вашею рукою, ни вашемъ сердцемъ не движетъ пристрастіе.

Таковая внимательность отнюдь не покажется излишнею тому, кто вникнетъ надлежащимъ образомъ въ важность предлежащаго вамъ дѣла, размыслитъ о его послѣдствіяхъ. Конечно, вы не можете даже посредствомъ самаго лучшаго избранія лицъ достойнѣйшихъ, достигнуть того, чтобы прекратить всѣ безпорядки, пополнить всѣ недостатки жизни гражданской,

избавить или предохранить человечество отъ всѣхъ бѣдствій, причиняемыхъ ему неправосудіемъ. Зло всегда останется между людьми; самъ Промыслъ судилъ расти плевеламъ вмѣстѣ съ пшеницею до той великой жатвы, на коей жателями будутъ уже не люди, а Ангелы. Но и то несомнѣнно, Почтт. Слушш., что, избравъ благихъ и достойныхъ слугъ отечеству, вы чрезъ то самое будете много содѣйствовать къ уменьшенію золъ, обременяющихъ человѣчество, къ предотвращенію несправедливостей и угнѣтенія, къ обузданію порока и буйства, къ поощренію добродѣтели, къ укорененію и распространенію всего полезнаго и похвальнаго. Гдѣ? — Не между малымъ числомъ людей, для васъ неизвѣстныхъ, или чуждыхъ, а въ цѣлой странѣ, вмѣщающей сотни тысячь жителей, которая, почитая васъ лучшими изъ сыновъ своихъ, жертвуетъ и для васъ всѣмъ лучшимъ, — странѣ, которая изъ всѣхъ областей обширнаго отечества нашего удостоилась высокаго предназначенія — заключать въ нѣдрахъ своихъ все, что есть драгоцѣннѣйшаго для отечества. Кто почелъ бы за неважное содѣйствовать благоденствію такой страны, тотъ симъ са-

мымъ показалъ бы, что для него нѣтъ ничего важнаго: состоянiе самое злополучное!

Да не поколеблетъ безпристрастiя вашего и то чувство, что для нѣкоторыхъ въ томъ числѣ самыхъ достойныхъ, избранiе можетъ быть тяжестiю; между тѣмъ какъ для инаго, мало впрочемъ соотвѣтствующаго цѣли избранiя, оно составитъ даже нѣкую милость. Добрые сыны отечества не отяготятся чрезмѣру служенiемъ отечеству: любовь къ человѣчеству утѣшитъ, совѣсть укрѣпитъ ихъ, сама Святая Церковь будетъ сопровождать ихъ подвиги своими молитвами. Что же касается до оказанiя кому либо чрезъ избранiе милости незаслуженной, это благодѣянiе безчеловѣчное! Въ самомъ дѣлѣ, не безчеловѣчно ли для выгодъ одного человѣка жертвовать правосудiемъ и благомъ многихъ? —

Да не ослабитъ усердiя вашего и та мысль, что прохожденiе должностей кратковременно; слѣд. и не успѣшное избранiе не можетъ быть слишкомъ вредно. Спросите у тѣхъ, кои имѣли несчастiе видѣть когда либо надъ собою злыхъ приставниковъ: скажутъ ли они, что время сiе кратко? Подлинно, оно не продолжительно

для добрыхъ дѣлателей; но долго, очень долго для недостойныхъ.

Что еще сказать вамъ, Почтт. Слушш.? Чемъ напутствовать васъ, на совершеніе благаго дѣла, вамъ предлежащаго? —

Вы произнесете предъ Богомъ клятвенный обѣтъ дѣйствовать по совѣсти. Да будетъ священный обѣтъ сей вмѣсто заключенія слову! Да сообщитъ призываніе страшнаго Имени Божія, силу убѣжденія моему слабому собесѣдованію съ вами! И да изберутся вами на служеніе отечеству мужи сильны, Бога боящіяся, мужи праведны, ненавидящія гордости! (*) — Аминь.

(*) Исх. XVIII. 21.

